

УДК: 811.11-112 : 801.7

DOI: 10.31862/2500-2953-2023-1-58-76

И.А. Шипова

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Модальные глаголы как средство выразительности в художественном тексте (на материале романа «Качели дыхания» Г. Мюллер)

В статье рассматриваются модальные глаголы немецкого языка в качестве элементов языковой системы, которые могут выступать в художественном тексте не только в качестве актуализаторов разных типов модальности, но и в роли средств языковой выразительности. В тексте романа Г. Мюллер «Качели дыхания» (Herta Müller “Atemschaukel”) созданы необходимые предпосылки для реализации выразительного потенциала модальных глаголов. Корпус примеров демонстрирует, что концентрация модальных смыслов на малых объемах текста, контактное расположение маркеров недейктической и дейктической модальности, их комбинаторное сочетание, противопоставление значений необходимости, возможности, желательности или нежелательности интенсифицируют экспрессивность содержания. С помощью вариативного использования модальных глаголов автор образно представляет ситуацию насилия и принуждения, которые составляют доминантные смыслы повествования.

Ключевые слова: художественный текст, дейктическая (эпистемическая) модальность, недейктическая (деонтическая) модальность, аккумуляция модальных смыслов, конфронтация модальных смыслов, смысловые доминанты повествования

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Шипова И.А. Модальные глаголы как средство выразительности в художественном тексте (на материале романа «Качели дыхания» Г. Мюллер) // Рема. Rhema. 2023. № 1. С. 58–76. DOI: 10.31862/2500-2953-2023-1-58-76

DOI: 10.31862/2500-2953-2023-1-58-76

I. Shipova

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

Modal verbs as a means of expression in a literary text (based on the novel “Atemschaukel” (“The Swing of Breathing”) by H. Müller)

The article considers modal verbs in German as elements of the language system, which can act in a literary text not only as actualizers of different types of modality, but also as means of linguistic expressiveness. In the text of H. Müller’s novel “The Swing of Breathing” (Herta Müller “Atemschaukel”), we find the necessary prerequisites for the realization of the expressive potential of modal verbs. The corpus of examples demonstrates that the concentration of modal meanings in rather small parts of the text, the contact arrangement of markers of non-deictic and deictic modality, their combinatorial combination, the juxtaposition of the meanings of necessity, possibility, desirability or undesirability intensify the expressiveness of the content. With the help of the variable use of modal verbs, the author figuratively represents the situation of violence and coercion, which constitute the dominant meanings of the narrative.

Key words: literary text, deictic (epistemic) modality, non-deictic (deontic) modality, accumulation of modal meanings, confrontation of modal meanings, semantic dominants of the narrative

FOR CITATION: Shipova I. Modal verbs as a means of expression in a literary text (based on the novel "Atemschaukel" ("The Swing of Breathing") by H. Müller). *Rhema*. 2023. No. 1. Pp. 58–76. DOI: 10.31862/2500-2953-2023-1-58-76

1. Введение

Модальные глаголы – одно из важнейших средств выражения категории модальности, хотя далеко не единственное. В зависимости от видов и способов выражения данной категории и контекста их использования модальность может существовать отдельно от пропозиции, т.е. отдельно от смысла (Р. Карнап) [цит. по: Степанов, 1981, с. 30–32], или может быть частью изображаемого мира, что подразумевает интеграцию модального значения в пропозицию и взаимодействие с ней [Fritz, 2021, S. 64]. Тогда это – нечто дополняющее предикативность, непосредственно актуализирующее и конкретизирующее ее в речи [Ильина, 2013, с. 11], а значит, и в тексте.

Модальные глаголы как один из значимых элементов языковой системы выделяются своей семантической направленностью, поскольку они не выражают какого-либо действия, его результат или состояние, а передают в предложении отношение референта-подлежащего к этому действию/состоянию или оценку его вероятности. Как правило, они дополняются смысловыми глаголами в форме инфинитива, передавая при этом значение необходимости, возможности, долженствования, волеизъявления, с одной стороны, или допущения, предположения или сомнения – с другой.

По мнению Е.В. Ильиной, художественный текст «наиболее полно отражает работу человеческого сознания по созданию с помощью средств языка индивидуального модализированного видения мира» [Там же, с. 6], поэтому представляется, что роль модальных глаголов в усилении выразительности данного типа текста может быть весьма значимой. В то же время, для того чтобы эти глаголы проявили себя как средство яркой образности, в тексте должны быть определенные предпосылки, позволяющие этот потенциал реализовать. В качестве таковых мы выделяем:

- 1) частотность модальных глаголов в тексте и актуализацию с их помощью модальных значений высокой плотности;
- 2) их контактное расположение, производящее эффект конфронтации модальных смыслов;
- 3) содержание текста, смысловые доминанты которого обеспечивают высокое эмоциональное напряжение.

2. Терминологические пояснения

Перечисленные выше предпосылки мы находим в тексте романа Герты Мюллер «Качели дыхания» (Herta Müller “Atemschaukel”), за который автор была удостоена Нобелевской премии по литературе в 2009 г. Проблематика романа связана с вопросами проживания человеком комплекса сложнейших негативных эмоций, которые герой истории испытывает в трудовом лагере в Донбассе, куда он как немец румынского происхождения попадает в 1945 г. в возрасте 17 лет, будучи репрессированным вместе с такими же, как он, «пособниками нацистов». Тема политического насилия, часто ничего общего не имеющая с понятиями справедливости или какой-либо оправданности, становится в этом произведении доминирующей, в результате чего общефилософские категории необходимости, возможности, долженствования и волеизъявления часто важнее выражения непосредственного значения пропозиции высказывания, поскольку само действие становится вторичным, а необходимость, возможность или невозможность его выполнения выходит на передний план. В результате более важными становятся супraseгментные, макролингвистические, «жанровые» параметры, которые и обуславливают особое, специфическое прочтение модальных глаголов в соответствующем контексте.

Модальные глаголы немецкого языка в данном тексте выступают во всех возможных модальных значениях, виды которых менялись с течением времени и были сформированы не сразу. Так, в средневенемецком языке (1050–1350 гг.) единственная модальная семантика немецких глаголов, изначально сводимая к передаче необходимости, возможности и волеизъявления, получила определенное расширение. На новом этапе развития языка модальные глаголы стали играть роль «индикаторов уверенности и предположения говорящего относительно реальности события» [Котин, 2018, с. 138], а глаголы *sollen* и *wollen* выступили еще и средством передачи речи третьего лица. Для дифференциации первой и второй функций в лингвистике в XX в. использовались введенные в 1970 г. Ж. Фурке [Fourquet, 1970, S. 154–161] обозначения объективная и субъективная модальность, которые можно встретить в лингвистических работах и сейчас. Для последних двух глаголов был введен термин эвиденциальность [Aikhenvald, 2004, p. 12]. Относительно таких явлений, как названные немецкие глаголы, А.Ю. Айхенвальд высказывает мнение, что они, не являясь маркерами эвиденциальности в чистом виде (evidentials), приобретают некоторые семантические надстройки (semantic extensions), которые непосредственно связаны со значением указания на источник информации. Поэтому их правомерно причисляют к так называемым

«эвиденциальным стратегиям» (evidentiality strategy) [Aikhenvald, 2004, p. 105; Бабёр, 2012, с. 60]. В русском языке принят также термин «засвидетельствованность» [Козинцева, 2007, с. 13].

В современной германистике для обозначения объективной модальности чаще используется термин «деонтическая», для субъективной – «эпистемическая» модальность. Представляя эту дихотомию, М.Л. Котин [Kotin, 2007, p. 248] пишет, что она многократно упоминается в научной литературе [Öhlschläger, 1989; Thieroff, 1992; Helbig, 1995; Hundt, 2003]. В таком случае термин «деонтическая модальность» выступает как обобщающее понятие для всего спектра лексических модальных значений.

Габриэле Дивальд предложила свою терминологию, получившую большое распространение в зарубежной германистике. Так, для противопоставления объективной (деонтической) и субъективной (эпистемической) модальности она использует выражения дейктическая и недейктическая модальности [Diewald, 1999]. Автор исходит из того, что основной позиции субъекта речи является дейкис, не имеющий референтного значения вне контекста и обусловленный точкой отсчета для характеристики конкретных параметров высказывания – Ориго (я, здесь, сейчас). В том случае, если модальные глаголы выражают возможность, необходимость, запрет или желание, они объективно дополняют семантику пропозиции и выступают в роли операторов недейктической модальности. В ее рамках Г. Дивальд выделяет деонтическую модальность (deontische Modalität), выражаемую с помощью глаголов *müssen* и *sollen*, волитивную (volitive Modalität), представляемую глаголом *wollen*, диспозиционную (dispositionelle Modalität), средством выражения которой служат глаголы *können* и *dürfen* [Там же, с. 74] и некоторые другие разновидности модальности.

Когда выражение отношения к действию, которое, предположительно, произошло или произойдет, оценивается субъектом речи с опорой на субъективные доводы, оно обусловлено дейктичностью ситуации, поэтому Г. Дивальд обозначает его термином дейктическая модальность. Этот вид модальности может быть маркирован включенностью Ориго (origoinklusive Lesart) или его невключенностью (origoexklusive Lesart), если в высказывании нет сигналов, указывающих на какой-либо аргумент говорящего в пользу достоверности сделанного предположения. Как правило, позиция Ориго маркируется различными модальными элементами, например, модальными словами, которые указывают на степень фактичности (истинности) пропозиции или ее нефактичности [Там же, с. 242].

В данной работе мы опираемся на концепцию Г. Дивальд и остаемся в рамках ее терминологической системы.

3. Доминирующие модальные смыслы текста романа

Как было сказано выше, для текста романа Г. Мюллер «Качели дыхания» характерна повышенная частотность модальных глаголов, которые выступают во всех видах модальных значений. Доминирование определенных сюжетных линий актуализирует те модальные смыслы, которые наиболее адекватно отображают нужды, потребности и желания протагониста романа Лео Ауберга. Так, в начале повествования, когда семнадцатилетний юноша, живущий с родителями, разделяющими идеалы нацизма, готов уехать из небольшого румынского города Германштадта даже в трудовой лагерь в чужой стране, в рамках недейктической модальности в семантике глаголов выявляются волиитивность (желательность) и деонтичность (долженствование), выраженные с помощью глаголов *wollen* и *müssen*. Доминирующим модальным смыслом в этом случае остается желание рассказчика как можно скорее уехать оттуда, где его не понимают, и радоваться, что не надо идти на фронт:

- (1) *Ich wollte weg aus dem Fingerhut der Kleinstadt, wo alle Steine Augen hatten.*¹ (Хотелось выбраться из болотца маленького города, где ты всегда на глазах².)
- (2) *Ich wollte weg aus der Familie und sei es ins Lager.* (Я хотел вырваться из семьи, пусть даже в лагерь.)
- (3) *Ich war auch froh, dass ich nicht in den Krieg ziehen muss, in den Schnee an die Front.* (К тому же я радовался, что мне не нужно на войну, на фронт, в снега.)

В части романа, где описывается пребывание протагониста в трудовом лагере со всеми его потенциальными и реальными угрозами для жизни отдельного человека, модальные глаголы служат средством усиления чувства несвободы, зависимости от чужой воли и подчиненности ей. Примеры (4)–(8) демонстрируют, как модальные глаголы без включенности Ориго реализуют недейктическую модальность, в которой отражается зависимость совершаемых действий от воли третьих лиц.

Источник указания – некая предписывающая инстанция, может быть обозначена, как это представлено в примерах (4) и (5), где использование немаркированного глагола *müssen* в контексте, предполагающем употребление маркированного *sollen* как индикатора внешней инстанции

¹ Здесь и далее текст романа приведен по изданию: Müller H. Atemschaukel: Roman. Fischer Taschenbuch Verlag, 2011.

² Здесь и далее перевод приведен по изданию: Мюллер Г. Качели дыхания / Пер. М.А. Белорусец. СПб., 2013.

деонтики, можно рассматривать как отождествление приказа с объективной необходимостью. Таким образом в тексте снимается дистанция между долженствованием, имеющим своим источником чужую волю, и объективной необходимостью, релятивируемой посредством дифференциации сигналов модальности в виде глаголов *müssen* и *sollen*.

(4) *Der Brigadier schrie: Auf Zement muss man aufpassen.* (Бригадир кричал: следить нужно за цементом.)

(5) *Der Vorarbeiter schrie: Zement muss man sparen.* (Десятник кричал: экономить нужно цемент.)

В примерах (6)–(8) предписывающая инстанция не обозначена, но очевидно, что в них речь идет о наличии некоего актора, предопределяющего действия определенной общности людей через принудительный запрет, как в (6), или разрешение, как в (7) и (8).

(6) *Und wenn der Wind ging: Zement darf nicht wegfliegen.* (А когда ветер: нельзя, чтоб разлетался цемент.)

(7) *Wir dürfen hie und da samstags tanzen bis nachts um Viertel vor zwölf.* (Нам разрешают иногда устраивать танцы по субботам, до без четверти двенадцать.)

(8) *Im letzten Lagerjahr bekamen wir für unsere Arbeit Geld auf die Hand. Wir konnten einkaufen auf dem Basar.* (В последний лагерный год мы за работу получали на руки деньги и могли купить еду на базаре.)

Важно также отметить, что и в примерах (7), (8) представлена диспозитивная модальность, в рамках которой задаются две возможные в немецком языке опции: с глаголом *dürfen* (7) – для «позволения» в условиях ограниченной свободы действий, и с глаголом *können* (8) – для выражения объективной возможности [Kotin, 2012, р. 141], что в последнем случае поясняется через контекст.

В тексте периодически возникают воспоминания героя о времени его жизни на родине, эти эпизоды в форме ретроспекции как приема структурной организации художественного текста позволяют показать разницу во внутренних ощущениях человека, находящегося в принципиально различных условиях существования. Использование одних и тех же модальных глаголов в (9) и в (4)–(8) приобретают в предлагаемых контекстах отличные друг от друга семантические оттенки. Эпизоды воспоминаний скрашивают тяжкую реальность жизни в чужой стране в условиях принудительного труда и постоянного чувства голода:

- (9) *Wir **durften** an diesem Tag alles essen, was wir **wollten**, und so viel wir **konnten**.* (В этот день мы могли есть всё, что пожелаем, и сколько влезет.)

В конце романа герой возвращается домой, но его психика, его мироощущение не дарит ему ни надежд, ни уверенности в себе, поэтому модальные глаголы в новом контексте используются с маркерами включенности Ориго в оценку предположений, которые делает говорящий субъект. Поскольку повествование в романе ведется от первого лица, Ориго так или иначе присутствует в тексте практически во всех высказываниях, в которых описываются происходящие с нарратором события, тем более, его чувства и мысли. Модальные глаголы в сочетании с модальными словами могут создавать дополнительный выразительный эффект благодаря наложению семантики дейктической модальности на недейктическую:

- (10) ***Vielleicht** hätte ich **lachen sollen**, wenn ich nach Hause kam. **Vielleicht** hätte ich sie **bedauern oder beschimpfen sollen**. **Vielleicht** hätte ich **sagen sollen**, dass ich mit ihnen Geduld brauche, weil ich sie liebe. Nur, wie **sollte** ich das **sagen**, wenn ich es mir nicht einmal im Stillen **denken konnte**.* (Возможно, мне полагалось, придя домой, посмеяться вместе с ними. Возможно, мне следовало их пожалеть или отругать. Возможно, я должен был поцеловать маленького Роберта. Возможно, должен был сказать, что мне с ними нужно запастись терпением, потому что я их люблю. Но как мне такое сказать, если я даже не могу подумать об этом про себя.)

Пример (10) иллюстрирует сложное сочетание деонтической модальности, переданное с помощью глагола *sollen* с модальным словом *vielleicht*, отражающим позицию Ориго, и плюсквамперфектом конъюнктива смыслового глагола, благодаря чему в тексте возникает напряжение через комбинацию выражения необходимости, потенциальной возможности и неуверенности в реализуемости какого-либо из действий, заложенных в пропозиции. Отсутствие вопросительного знака в ряду однотипно построенных предложений делает их интеррогативную интонацию как бы имплицитной. Однако повтор глагола *sollen* свидетельствует о том, что фрагмент представляет собой вопросный комплекс. Очевидно также, что кроме модальных глаголов в этом фрагменте текста эффект экспрессивности возникает и благодаря анафорическому повтору модального слова *vielleicht*, и синтаксическому параллелизму четырех предложений. Все же структурная завершенность всего сегмента

не имела бы такой образности, если бы в нем не противопоставлялись друг другу два важных смысла: долженствования и возможности, выраженные глаголами *sollen – können*.

На наш взгляд, именно в таких сочетаниях, отражающих смысловой конфликт в понятиях необходимости и возможности, долженствования и волеизъявления, и кроется выразительный потенциал модальных глаголов, которые в названном тексте дополняют смысловую доминанту повествования: неприемлемости насилия над человеческой личностью.

Таким образом, в рамках каждого из тематических блоков модальные смыслы, выраженные модальными глаголами, приобретают тот вариант их прочтения, который диктуется соответствующим контекстом.

4. Модальные глаголы как операторы недейктической модальности

В тексте романа ярко и образно представлены сцены описания жизни в трудовом лагере. Изображение событий с позиции субъективного восприятия необходимости, возможности, долженствования или волеизъявления комбинируется с текстовым окружением, что предполагает неконвенциональные варианты прочтения модальных глаголов. Приведем пример:

(11) *Ich darf mich nicht fürchten, dachte ich, sonst ertrinke ich.*

(Мне нельзя бояться, – уговаривал я себя, не то – пропаду.)

Диспозиционная модальность в (11) обозначает разрешение со стороны некой предписывающей инстанции, но оно актуализируется в примере как отражение внутреннего расщепления позиции нарратора, при котором запрет исходит от самого субъекта речи. Использование глагола *dürfen* в таком контексте отражает внутренний эмоционально окрашенный императив.

4.1. Вариативность повествующего субъекта

В тексте романа базовая повествовательная перспектива рассказчика от первого лица определяет, в каком направлении идет восприятие модализованной пропозиции, что иллюстрирует пример (12):

(12) *Warum will ich nachts das Recht auf mein Elend haben. Warum kann ich nicht frei sein.* (Почему по ночам я хочу иметь право на свое злосчастье? Почему не могу окончательно освободиться?)

Общность судьбы всех, находящихся в лагере, передает местоимение 1 л. мн. ч., что представлено в примере (13):

(13) *Im hohen Schnee an der Rückseite der Fabrik, wo das Brachland anfang, **mussten wir** uns vor dem gemauerten Zaun in Reihen aufstellen und waten.* (За заводской территорией, где начинался пустырь, нам приказали построиться в глубоком снегу перед глухим кирпичным забором и ждать.)

Но чаще идентификация рассказчика с теми людьми, которые его окружают и с которыми он связан повседневным тяжелым трудом, происходит, когда местоимение 1 л. ед. ч. выступает аналогом неопределенно-личного местоимения *man*, что отражает деперсонализацию человека в условиях общего подчинения, как в (14)–(16).

(14) *Man schuftet und hört seinen eigenen Herzschlag und: Zement **muss man** sparen, auf Zement **muss man** aufpassen, Zement **darf** nicht nass werden, Zement **darf** nicht wegfliegen.* (Надрываешься и слышишь, как выстукивает твое сердце: беречь цемент нужно, глаз за цементом нужен, промокнуть цемент не должен, разлетаться цемент не смеет.)

В (14) модальность глаголов *müssen* и *dürfen* отражает предписания внешней инстанции всем и каждому. Размывание субъектности очевидно и в (15), где глагол маркирует объективную возможность:

(15) *Meinen **kann man** allerhand. Wissen **kann man** es nicht.*
(Предполагать можно разное. Но знать наверняка ничего нельзя.)

Примеры (14) и (16) иллюстрируют, как общность восприятия позиции *ich* и *man* в русской версии романа (переводчик М.А. Белорусец) дана через идентификацию субъекта высказывания в форме местоимения 2 л. ед. ч. – *ты*. Хотя ссылка на перевод в качестве доказательства предлагаемой версии трактовки текста не обязательно убедительна, в случае предложений (14) и (16) она может быть принята во внимание.

(16) *Nur **darf man** über den Hunger nicht reden, wenn man Hunger hat.*
(Но если ты сам голодаешь, о голоде говорить нельзя.)

4.2. Включенность Ориго в высказывания с недейктической модальностью

В концепции Г. Дивальд в случае выражения недейктической модальности позиция Ориго не может быть представлена в высказывании [Diewald, 1999, p. 26]. Такая точка зрения логична и понятна, однако в тексте романа Г. Мюллер включенность повествующего-протагониста ощущается практически в каждом предложении. Терминологиче-

ски можно приписать выраженность позиции Ориго через так называемые потенциальные дейктики – элементы высказывания, которые приобретают дейктические функции в определенном текстовом окружении [Сребрянская, 2005, с. 71]. Н.А. Сребрянская считает, что потенциальные дейктики реализуются в рамках дейксиса художественного повествования, в котором создается пространственно-временная рамка произведения с оценкой событий с точки зрения наблюдателя [Там же, с. 69]. Приведем пример:

- (17) *Man **musste** in die Hocke gehen, die Knie gefedert halten, bis das Brettchen unterm Kinn ankam, dann die Ellenbogen wie Flügel spreizen und den Stein präzis abrutschen lassen. Nur so **konnte** man ihn eng neben einen anderen platzieren, ohne seine Kanten des Nachbarsteins zu verletzen.* (Для этого нужно напружинить колени и присесть, чтобы дощечка оказалась под подбородком, а затем растопырить локти наподобие крыльев и дать камню сползти прямо на предназначенное для него место. Только так он может поместиться между другими теснящимися камнями, не повредив ни своих, ни их граней.)

В этих предложениях описывается процесс формирования камней для кладки стен, которое можно рассматривать как некое протяженное событие. Деонтический глагол *müssen* и диспозиционный *können* отражают фактичность ситуации с описанием производимых действий, но дополнение *wie Flügel* ('наподобие крыльев') и ограничение *nur so* ('только так') выступают как потенциальные дейктики, отражающие позицию Ориго с перспективы его субъективной оценки описываемого процесса. Подобные элементы вносят в высказывания с модальными глаголами дополнительный элемент субъектной включенности.

4.3. Полифункциональность модальных глаголов в тексте романа

Г. Дивальд отмечает, что модальные глаголы могут менять свое значение в рамках недейктической модальности в зависимости от контекстуального окружения [Diewald, 1999]. В таком случае речь идет об их полифункциональности, которая несет в себе определенный потенциал экспрессивности и общей выразительности. Представленный материал позволяет проиллюстрировать, как варьирование семантики при этом определяется личностной позицией субъекта речи:

- (18) *Ich schlürfe laut, ich **muss** die Suppe hören. Ich zwinge mich, die Löffel nicht zuzählen. Ungezählt werden es mehr als 16 oder 19. Ich **muss** diese Zahlen vergessen.* (Я громко чавкаю, мне нужно суп слышать. Я заставляю себя не считать ложки. Если они не считаны, их больше шестнадцати, а то и девятнадцати. Лучше эти числа забыть.)

Глагол *muss* в первом предложении примера (18) передает не только долженствование (деонтичность), но и сильное эмоционально окрашенное желание (волитивность), связанное с острым чувством голода, которое надо утолять как в процессе еды, так и способом ее поглощения с характерным звуком. Во втором предложении тот же глагол остается в поле только деонтической модальности.

В примере (19) речь не идет о желании полицейских забрать молодого человека для отправки в лагерь, а о передаче их слов, т.е. согласно работам ряда лингвистов [Ханзен, 2007, с. 249; Балабаева, 2009, с. 145; Бабёр, 2012, с. 124; Аверина, Кострова, 2019, с. 115], об эвиденциальной функции глагола *wollen*:

- (19) *Die zwei Polizisten hatten sich für Mitternacht angesagt, dann **wollten** sie mich holen.* (Полицейские предупредили, что придут за мной в полночь.)

На наш взгляд, само высказывание не воспринимается как однозначно эвиденциальное, поскольку в нем присутствует и волитивный оттенок намерения, что, однако, не передается в приведенном переводе.

4.4. Парантезы с модальными глаголами в метаязыковой функции

В тексте романа периодически возникает ощущение раздвоенности позиции нарратора за счет парантез, используемых автором, скорее, в метаязыковой функции, благодаря которой описание получает дополнительную оценку происходящего, что наблюдается в (20):

- (20) *So oder so, die Nacht packt ihren schwarzen Koffer gegen meinen Willen, **das muss ich betonen.*** (Так или иначе, но ночь, хочу заметить, укладывает свой черный чемодан против моей воли.)

Это может быть также способ прокомментировать свои невысказанные мысли и замечания:

- (21) *Vor einem Erdhund muss man sich nicht schämen, **müsste ich sagen**, und nicht vor der Steppe.* (Нужно сказать Карли, что перед земляной собачкой ему стыдиться нечего, перед степью – тоже.)

(22) *Ich **müsste** ihn wahrscheinlich fragen, wie so er Kobelian zum Maßstab macht. Ich bin überzeugt, wenn Kobelian so weit wie wir von zu Hause weg wäre, würde er Erdhunde essen, **müsste ich sagen**.* (А вот спрошу-ка я его, с какой стати мы должны равняться на Кобелиана. Будь Кобелиан так же далеко от дома, как мы, он тоже ел бы земляных собачек.)

В примерах (21) и (22) модально маркируется внутрисубъектная необходимость коннотации того, что повествователь думает о положении дел в актуальных обстоятельствах.

4.5. Роль модальных глаголов в актуализации персонификаций

Особенность всего текста романа Г. Мюллер – его метафорика. Все, что может быть превращено в метафору, превращается в нее. Не в последнюю очередь поэтому этот роман назван поэтической прозой [Prak-Derrington, 2013, p. 132], что справедливо, несмотря на описание жестокости и неумолимости обстоятельств. Метафора по большей части распространяется на персонификацию, в которой модальным глаголам также отводится определенная роль.

Диспозиционная модальность глагола *dürfen*, маркирующая разрешение предписывающей инстанции в (23), в соединении с описанием действий насекомых производит впечатление горькой иронии. Таким образом, вши, имеющие право свободно передвигаться по человеческому телу, противопоставлены людям, которым все запрещается:

(23) *Ob Frost oder Gluthitze, ganze Abende vergingen im Stillgestanden. Nur die Läuse **durften** sich rühren an uns. Beim endlosen Durchzählen **konnten** sie sich vollsaufen und Pardegänge absolvieren über unser elendiges Fleisch...* (На морозе или на жгучей жаре мы простаивали навтытяжку целый вечер. Шевелиться позволялось только вшам. Пока нас без конца пересчитывали, вши успевали насосаться крови и завершить свой многочасовой парадный марш по нашей жалкой плоти...)

В (24) глагол *können* с семантикой потенциальной возможности превращает смерть через ее персонификацию в существо, способное взаимодействовать с музыкой. То, чего все боятся, и то, что все время незримо присутствует в романе, в этом высказывании как бы оживает и движется в такт танца:

(24) *Die Musik ermuntert den Tod, er **kann** schunkeln.* (Музыка взбадривает смерть, и та рвется танцевать.)

Благодаря персонификации с помощью глагола *wollen*, обладающего семантикой волитивной модальности, слова наделяются собственной волей и способностью напрямую воздействовать на человека:

- (25) *Es gibt Wörter, die machen mit mir, was sie wollen.* (Есть слова, которые делают со мной все, что им вздумается.)

Таким образом, персонификации неодушевленных существительных, в которых задействованы модельные глаголы, приобретают дополнительные свойства не просто производить действие, но и чего-то хотеть, мочь или иметь на что-то право.

5. Модальные глаголы как операторы дейктической модальности

Приведенные выше примеры иллюстрируют выразительные возможности недейктической модальности, реализованной с помощью модальных глаголов, которые в рамках данного текста становятся элементом образности. Однако основной потенциал художественной выразительности вскрывается в тексте в случаях, когда модальные глаголы становятся средством оценки субъектом речи степени фактичности ситуации, т.е. дейктической модальности. Отметим в этой связи, что особенность модальных глаголов варьировать смыслы и приобретать некоторую эмотивность уже отмечалась исследователями. Пример тому – высказывание Г. Дрёссигер, в котором утверждается, что эпистемичность как разновидность дейктической модальности обладает значительно бóльшим эмотивным потенциалом, чем деонтичность [Droessiger, 2005, S. 89]. В тексте романа это находит свое подтверждение: дейктическая модальность как способ выражения сомнения в фактичности утверждения о реальности, как отражение некоторой неуверенности, которая субъективно обусловлена, не раз передается с помощью глагола *müssen* с инфинитивом I или II.

- (26) *Es musste Havarien und Explosionen im Eisen der Rohre und Maschinen **geben haben.*** (Наверняка тут происходили аварии на трубопроводах и взрывы механизмов, покорежившие металл.)
- (27) *Es muss im Keller aber Substanzen **geben,** die man nicht sieht, nicht riecht und nicht schmeckt. Sie sind die hinter hältigsten.* (Однако и в подвале наверняка имеются вредные субстанции, которые ты не видишь и не ощущаешь ни запаха их, ни вкуса. Они-то самые хитрые.)

(28) ...wenn wir jetzt im vierten Jahr und im dritten Frieden sind, **muss es hier im Keller auch den ersten und den zweiten Frieden gegeben haben**, so wie es einen Vorfrieden **gegeben haben muss**, ohne mich. Und so viele Tag – und Nachtschichten wie Erdschichten **muss es im Keller hier geben**. (Если сейчас у нас четвертый лагерьный год и третья годовщина мира, должны же были здесь, в подвале, проходить – без меня – и первая годовщина, и вторая, и годы, которые были прежде тех годовщин. Здесь столько напластовалось смен, дневных и ночных, сколько земляных пластов лежит под нами.)

Примеры (26)–(28) показывают высокую степень уверенности в фактичности сделанного предположения, о чем свидетельствует модальный глагол *müssen*, служащий показателем оправданности аргументов. Однако выбор данной формы в рамках дейктической модальности привносит в высказывания элемент эмотивной включенности: как бы достоверно все сказанное ни выглядело, оно всегда включает оттенок сомнения. Данная особенность средств выражения дейктической модальности отмечена Т. Фрицем, указавшим, что даже высокая степень убежденности говорящего, маркированная дополнительными сигналами, эксплицирующими уверенность, не может сравниться с достоверностью фактического высказывания [Fritz, 2000, S. 107–109].

6. Кумулятивное совмещение разных типов модальных значений и их выразительный потенциал

Наибольшей выразительности модальные глаголы в тексте романа достигают в тех случаях, когда они вступают во взаимодействие, дополняя друг друга и создавая определенную аккумуляцию разнообразных модальных смыслов, что производит эффект избыточности:

(29) *Man hat uns nicht gesagt, wann und wie wir aus der Halle zum Bahnhof **müssen**. **Dürfen**, möchte ich sagen, weil ich endlich **los wollte** und sei es im Viehwaggon... zu den Russen.*

(Нам не сообщили, когда и как мы должны попасть на вокзал. Я бы сказал, скорее, «сможем попасть на вокзал», потому что хотел наконец уехать, пусть даже... в телячьем вагоне.)

В примере (29) контактная позиция глаголов *müssen* и *dürfen* для выражения указаний предписывающей инстанции и их внутренний контраст с мягким волеизъявлением субъекта речи в парантезе *möchte ich sagen* и с глаголом *los wollte* манифестируют всю противоречивость ситуации. Похожая конфигурация наблюдается и в (30), где конфликт между

необходимостью и внутренней волей, отраженный в двух предложениях, заставляет почувствовать степень производимого им напряжения:

(30) *Ich **muss** mich erinnern gegen meinen Willen. Und auch wenn ich nicht **muss**, sondern **will**, **würde** ich es lieber nicht **wollen müssen**.*

(Я против своей воли принужден вспоминать. Но даже если бы я не был принуждаем, а хотел этого сам, я бы предпочел, чтобы мне этого не хотелось.)

Кроме представленных сочетаний различных видов недейктической модальной семантики, в тексте присутствует кумулятивное совмещение разных типов модальных значений [Kotin, 2012, p. 156], ведущее к насыщению содержания модальными смыслами, а именно, реализация в одном предложении или контексте дейктической и недейктической модальности.

Хотя дейктичность в первом предложении примера (31) передается не модальным глаголом, а модальным словом *wahrscheinlich*, смысл этого сочетания заключается в передаче глубокого противоречия воли-тивности и деонтичности, обусловленного столкновением личной воли человека и власти над ним неких сил, насилие которых продиктовано бездушными условиями тоталитаризма. Комбинация модальных глаголов и выражение неопределенности осознания реальности создает внутреннее напряжение всего фрагмента:

(31) ***Wahrscheinlich wollte** ich von nun an das Leben von hier, das Leben überhaupt, nicht länger abhängig machen vom Wunsch, täglich nach Hause zu **wollen** und es nie zu **können**. Je mehr ich nach Hause **wollte**, umso mehr versuchte ich es nicht so stark zu **wollen**, dass es mich kaputtmacht, wenn ich es niemals **darf**.*

(Мне бы, наверное, хотелось в том и другом случае – как уж оно выйдет – быть на высоте положения. Мне бы хотелось здешнюю мою жизнь, жизнь как таковую, сделать впредь независимой и от ежедневного желания попасть «домой», и от невозможности возвращения. Чем сильнее меня тянуло домой, тем больше я пытался ослабить эту тягу, которая, как я понимал, погубит меня, если окажется неосуществимой.)

7. Заключение

Заключая все вышесказанное о роли модальных глаголов в усилении языковой выразительности художественного текста, следует отметить, что она выявляется не всегда. Для этого необходимы определенные предпосылки, включая эмоциональную нагруженность доминантных

смыслов текстового содержания, в котором важным элементом становятся значения необходимости, возможности, запрета, волеизъявления, или допущения, предположения, сомнения и т.п.

Таким образом, конфронтация смыслов, заложенных в семантике модальных глаголов, возможность их комбинирования, заключенное в этих сочетаниях напряжение являются источником выразительного потенциала модальных глаголов в этом типе текста, который реализуется благодаря вариативности использования элементов разновидностей недейктической и дейктической модальности.

Художественный текст как отражение работы человеческого сознания с помощью средств языка, воссоздающий индивидуальную картину модализированного видения мира, демонстрирует значимость категории модальности, которая в целом представляет собой комплексную динамическую систему, регулирующую все аспекты нашего мышления, речи и нашей деятельности [Fritz, 2021, S. 10].

Библиографический список / References

Аверина, Кострова, 2019 – Аверина А.В., Кострова О.А. Грамматика немецкого языка. М., 2019. [Averina A.V., Kostrova O.A. Grammatika nemetskogo yazyka [Grammar of the German language]. Moscow, 2019.]

Бабёр, 2012 – Бабёр Н.В. Реализация категории эвиденциальности в немецком языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. [Babjor N.V. Realizacija kategorii jevidencialnosti v nemeckom jazyke [Implementation of the category of evidentiality in German]. PhD dis. Moscow, 2012].

Балабаева, 2009 – Балабаева Ю.Е. Функционально-семантическое поле средств выражения категории эвиденциальности в современном немецком языке // Язык. Дискурс. Текст: Материалы IV Международной научной конференции. Ростов-н/Д., 2009. С. 144–145. [Balabaeva Ju.E. Functional-semantic field of means of expressing the category of evidentiality in modern German. *Jazyk. Diskurs. Tekst: Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Rostov-on-Don, 2009. Pp. 144–145. (In Rus.)]

Ильина, 2013 – Ильина Е.В. Смысловой стратум художественного текста и его модальная организация. Гамбург, 2013. [Ilyina E.V. Smyslovoj stratum hudozhestvennogo teksta i ego modalnaja organizacija [The semantic stratum of a literary text and its modal organization]. Hamburg, 2013.]

Козинцева, 1994 – Козинцева Н.А. Категория эвиденциальности (проблема типологического анализа) // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 92–104. [Kozinceva N.A. The category of evidentiality (the problem of typological analysis). *Voprosy jazykoznanija*. 1994. No. 3. Pp. 92–104. (In Rus.)]

Котин, 2018 – Котин М.Л. Язык и время. Очерк теории языковых изменений. М., 2018. [Kotin M.L. Jazyk i vremja. Oчерk teorii jazykovykh izmenenij [Language and time. Essay on the theory of language change]. Moscow, 2018.]

Сребрянская, 2005 – Сребрянская Н.А. Нарративный дейксис и его корреляция с категориями художественного текста // Вестник Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого. Сер.: Гуманитарные науки. 2005. Вып. 3 (47). С. 69–73. [Srebrjanskaja N.A. Narrative deixis and its correlation with literary text categories. *Vestnik Tul'skogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta imeni L.N. Tolstogo. Ser.: Gumanitarnye nauki*. 2005. Vol. 3 (47). Pp. 69–73. (In Rus.)]

Степанов, 1981 – Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения (семиологическая грамматика). М., 1981. [Stepanov Ju.S. Imena, predikaty, predložhenija (semiologičeskaja grammatika) [Names, predicates, sentences (semiological grammar)]. Moscow, 1981.]

Ханзен, 2007 – Ханзен Б. Эвиденциальность в немецком языке // Эвиденциальность в языках Европы и Азии: Сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой / Под ред. В.С. Храковского. СПб., 2007. С. 241–252. [Hanzen B. Evidence in German. *Jevidencialnost v jazykah Evropy i Azii. Sbornik statej pamjati Natalii Andreevny Kozincevoj*. V.S. Hravokskij (ed.). St. Petersburg, 2007. Pp. 241–252. (In Rus.)]

Aikhenvald, 2004 – Aikhenvald A.Y. Evidentiality. Oxford University Press, 2004.
Diewald, 1999 – Diewald G. Die Modalverben im Deutschen: Grammatikalisierung und Polyfunktionalität. Tübingen, 1999.

Droessiger, 2005 – Droessiger Gr. Zur Polyfunktionalität der deutschen Modalverben oder: Was ist modal an den deutschen Modalverben? *Žmogusiržodis. Svetimosioskalbos*. 2005. Vol. 7. No. 3. Pp. 85–92.

Fourquet, 1970 – Fourquet J. Zum subjektiven Gebrauch der deutschen Modalverba. *Studien zur Syntax des heutigen Deutsch. Festschrift für Paul Grebe zum 60. Geburtstag*. H. Moser u.a. (Hrsg.). Düsseldorf, 1970. S. 154–161.

Fritz, 2000 – Fritz Th. Wahr-Sagen. Futur, Modalität und Sprecherbezug im Deutschen. Hamburg, 2000.

Fritz, 2021 – Fritz Th. Modalität, Nullpunkt und Synthese – Die dynamische Struktur von Sprechen, Denken und Handeln. Hamburg, 2021.

Helbig, 1995 – Helbig G. Kontroversen über die deutschen Modalverben. *Deutsch als Fremdsprache*. 1995. Band 32. Nr. 2. S. 206–214.

Hundt, 2003 – Hundt M. Zum Verhältnis von epistemischer und nichtepistemischer Modalität im Deutschen. Forschungspositionen und Vorschlag zur Neuorientierung. *Zeitschrift für germanistische Linguistik*. 2003. Nr. 31 (3). S. 343–381.

Kotin, 2007 – Kotin M.L. Die Sprache in statu movendi. Bd. 1. Heidelberg, 2007.

Öhlschläger, 1989 – Öhlschläger G. Zur Syntax und Semantik der Modalverben im Deutschen. Tübingen, 1989.

Prak-Derrington, 2013 – Prak-Derrington E. Sprachmagie und Sprachgrenzen. Zu Wort- und Satzwiederholungen in Herta Müller Atemschaukel. *Dichtung und Diktatur. Die Schriftstellerin Herta Müller*. H. Mahrtdt, S. Læg Reid (Hrsg.). Würzburg, 2013. S. 131–145.

Thieroff, 1992 – Thieroff R. Das finite Verb im Deutschen. Tempus – Modus – Distanz. Tübingen, 1992.

Статья поступила в редакцию 07.11.2022

The article was received on 07.11.2022

Сведения об авторе /About the author

Шипова Ирина Алексеевна – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры немецкого языка Института иностранных языков, Московский педагогический государственный университет

Irina A. Shipova – Dr. Phil. Hab.; Professor at the German Language Department of the Institute of Foreign Languages, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6179-6960>

E-mail: schipowa@mail.ru